

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-11-3-53>

УДК 82

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «КАЗУС КУКОЦКОГО»

И.С. Букал (Красноярск)

Аннотация

Постановка проблемы и цель. Людмила Евгеньевна Улицкая – один из наиболее читаемых современных российских авторов. Произведения Л. Улицкой популярны не только в России, но и в других странах мира, они вызывают неподдельный исследовательский интерес и в кругу профессионалов-филологов. В настоящее время насчитывается более двух десятков диссертационных исследований, множество обзорных глав в монографиях, а также научных статей, посвященных анализу произведений автора. Особенно отмечены критикой повести «Сонечка», «Веселые похороны», «Сквозная линия»; сборники рассказов «Бедные родственники», «Девочки», «Дар нерукотворный»; романы «Искренне ваш Шурик», «Медя и ее дети», «Даниэль Штайн, переводчик», «Зеленый шатер». Роман Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» остается наименее изученным текстом автора. В предлагаемой статье данный роман анализируется с позиции нарратологии, рассматривается влияние нарративных стратегий на рецепцию авторского текста. Опорой исследования явились труды В. Тюпы, Ю. Лотмана, Н. Лейдермана, М. Липовецкого.

Методологией исследования стали историко-культурный и структурно-типологический подходы.

Предмет исследования – специфика реализации нарративных стратегий в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого».

Результаты исследования. На основании анализа романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» показано, как нарративная стратегия произведения влияет на его потенциальную рецепцию. Опираясь на концепцию В. Тюпы, определившего нарративную стратегию как совокупность трех равнозначных оснований (нарративная картина мира, нарративная модальность, нарративная интрига), мы выявили изменения, которые претерпевает нарративная стратегия по ходу развития сюжета, и как данные изменения сказываются на поэтике романа, его аксиологическом наполнении.

Заключение. Нарративную стратегию, при помощи которой организовано повествование романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого», можно определить как «стратегию слома горизонта читательских ожиданий». Многократная смена нарративной инстанции оборачивается многообразием точек зрения, создает ощущение призрачности, эфемерности происходящего и побуждает читателя к самостоятельному поиску истины. Смыслы романа не находятся в прямой зависимости от событийной хронологии. Фрагменты повествования расположены инверсивно, сегментарно, так, чтобы их соположение способствовало наиболее полному пониманию содержания. Нарративы, представленные в романе, актуализируют «онтологическую интригу», основанную на репрезентации индивидуальных мифопоэтических моделей и раскрывающую сюжет постижения истины и предназначения личности.

Ключевые слова: Л. Улицкая, нарратология, нарративная картина мира, нарративная модальность, нарративная интрига.

Традиционно творчество Л. Улицкой рассматривается современным литературоведением с точки зрения таких теоретических оснований, как стилистическая специфика (Н. Лейдерман, М. Липовецкий, О. Дарк, Т. Казарина, Д. Шаманский), жанровое своеобразие (М. Горелик), тематический диапазон (О. Побивайло), особенности эстетики и проблематики (Н. Егорова, Т. Скокова, Н. Ковтун, Т. Маркова). В качестве объекта исследования в нашей работе выступает специфика организации нарратива в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» (2001).

Й. Брокмейер и Р. Харре объясняют актуальность нарративного дискурса в современной науке следующим образом: «... именно понятие нарратива обобщено и в то же время специфицировано в спектре вопросов, которые включают исследование способов, посредством которых мы организуем нашу память, намерения, жизненные истории, идеи нашей – самости, или – персональной идентичности» [Брокмейер, Харре, 2000, с. 30]. Данное замечание наиболее полно раскрывает важность аналитического подхода к рассмотрению нарративной организации художественного текста, где нарративная инстанция находится в пропорциональной зависимости с авторской интенцией и является транслятором идейного содержания повествования. То, какие художественные средства и стилистические приемы использует нарратор, организуя сюжет, напрямую определяет нарративную стратегию текста.

Отечественная филология термин «стратегия» использует преимущественно для обозначения особенностей стиля или речевых приемов рассказчика. Однако в последнее время появились работы, в которых категория стратегии позиционируется как фундаментальная. В частности, О. Ковалев понимает нарративную стратегию как специфику организации поэтики – системы выразительных средств повествовательного произведения – с целью достижения того или иного воздействия на читателя, а также формирования конкретного идейного содержания [Ковалев, 2009, с. 21].

По словам В. Тюпы, «нарративная стратегия осуществляется в выборе повествовательных возможностей и являет собой конфигурацию трех граней единого сюжетно-повествовательного высказывания, взаимно обуславливающих друг друга: 1) нарративной картины мира; 2) нарративной модальности; 3) нарративной интриги» [Тюпа, 2011, с. 9]. Остановимся подробно на каждой из них, развернув на материале текста Л. Улицкой.

Референтная компетенция нарратора в романе «Казус Кукоцкого» является основным критерием, по которому мы можем судить о нарративной картине мира в рамках созданного автором художественного пространства, претерпевающего большие или меньшие изменения в зависимости от того, кто выступает в роли нарративной инстанции.

Большая часть повествования транслируется от лица абстрактного автора [Шмид, 2003, с. 52], основными характеристиками которого являются объективность (в тексте минимизированы лексические показатели, на основании которых

было бы возможно судить о личном отношении нарратора к тому или иному персонажу, событию или явлению); немотивированность факта наррации; всезнание в рамках заданного хронотопа. Кроме того, абстрактный автор является своеобразным маркером действительности происходящего, именно с его точки зрения показана часть истории, вписанная автором в условность советских реалий.

Перемена нарративной инстанции в романе, как правило, подчеркивается его композиционной структурой. Например, отдельные части произведения посвящены дневниковым записям Елены Кукоцкой, так называемым тетрадам один и два. Внедрение дневниковых фрагментов в структуру художественного произведения симптоматично для литературы первой четверти XXI века, активно развивающей направление художественной антропологии – познания внутреннего мира индивида в художественном изображении (Е.А. Николаичева). Дневниковый фрагмент выступает в качестве художественного приема, чьей основной задачей является расширение сюжетных рамок произведения. Путем переноса акцента читательского внимания с событий внешнего мира на интимные переживания персонажа – автора дневника, нарратор существенно углубляет представления читателя как о характере героя, так и о произведении в целом.

Поскольку ведущей функцией дневникового фрагмента является не столько раскрытие содержания автобиографических фактов о персонаже, сколько специфика их восприятия, обращение к дневниковым записям, как правило, происходит в момент острой необходимости общения героя с самим собой. В частности, Елена Кукоцкая прибегает к ведению дневника в попытке отследить перемены в собственной ментальности. Дневниковые записи ведутся от первого лица и характеризуются субъективностью, вовлеченностью, ненадежностью нарратора (следствие прогрессирующего психического заболевания). Повествование Елены рефлексивно, опосредовано ее профессиональной деятельностью. В условиях, когда болезнь трансформирует не только сознание и память героини, но и восприятие окружающего мира, она старается найти его основания посредством обращения к знакомым понятиям и явлениям, объясняя происходящее при помощи близких ей категорий: «чертежность во всем существующем» (Улицкая, 2006, с. 54), «точный закон чертежа, по которому можно все построить» (Улицкая, 2006, с. 116). По мере того как сознание героини становится все более фрагментарным, нарастает степень враждебности и неустроенности окружающего мира. Елена все больше погружается в себя, что влечет последующее нисхождение референтной компетенции персонажа: нить повествования нарушается, а затем и вовсе обрывается беспомощными взываниями к неизвестному, подчеркивающими окончательность раскола, раздвоения не только сознания героини, но и окружающей ее реальности. Осуществляется так называемое «перемещение персонажа через границу семантического поля» [Лютман, 1970, с. 282].

Противопоставление реального и ирреального, объективного и субъективного в романе (одна из фундаментальных оппозиций нового сентиментализма [Букал, Гонтарева, 2019, с. 36–46]) является сюжетогенным и выражено не

только в идейном содержании текста, но и в специфике жанра, композиции и сюжета. Наиболее явственно это наблюдается во второй, вставной, части романа, содержание которой посвящено пребыванию персонажей (как главных, так и второстепенных) в пределах, отличных от тех, что были знакомы читателю из повествования абстрактного автора. Натуралистичные описания быта сменяются мистическим опытом героев. Перед читателем предстает альтернативная реальность, наполненная юнгианской символикой и поочередно отраженная в сознании каждого из персонажей. Конфликты и проблемные ситуации, заявленные в первой части текста, переходят в разряд символов и метафор во второй. Ничто не именуется собственным именем (равно как и герои), но все несет на себе отпечаток наиболее выразительных черт и характеристик, оставаясь узнаваемым, но неузнанным.

Эффект узнавания, направленный в первую очередь на рецепцию читателя, осуществляется при помощи внедрения в романное повествование эквивалентных связей [Шмид, 2003, с. 111] – смысловых сочетаний, распределенных по всему тексту с целью укрепления его сюжетной и композиционной структуры. Так, например, в одной из начальных глав романа мимоходом указывается, что Павел Алексеевич Кукоцкий наголо обрил голову, после чего во второй части произведения, помещенный в потустороннее, герой именуется Бри тоголовым. Другой пример: среди прочих метафорических образов второй части нам встречается загадочный манекен, судьба которого оказывается печальной, а личность – неназванной. Лишь в финале романа внимательный читатель соотносит данного персонажа с образом серийного убийцы, в описание которого входит специфичная «манекенная» походка. Эквивалентной связью является и оптическая метафора пламени, энергия которого подпитывает людей, находящихся рядом с ним. Слепшая с возрастом Василиса, работница в доме Кукоцких, непрестанно возносящая молитвы и укрепляющаяся в своей вере, начинает видеть перед собой едва различимое «пламечко» (Улицкая, 2006, с. 96), чье воздействие на ее сознание оказывается столь же умиротворяющим, живительным, как и в пространстве инобытия.

Система эквивалентных связей является лишь элементом романной поэтики, но не исчерпывает ее. Особая символика второй части произведения: оптические метафоры, карнавализация, демонстрация чудес и фокусов, вневременность и внепространственность, – позволяет говорить о мистериальном контексте, подводящем к прозрению как героев, так и читателя. По мнению О. Фрейденберг, «высшей, заключительной формой посвящения в мистерию была эпоптея (в переводе с латинского – взирание, смотрение); этот акт зрительного восприятия получил впоследствии понятийное значение созерцания, то есть взирания духовного» [Фрейденберг, 1997, с. 271]. Преодолевая внутренние препятствия, решая возникшие в реальном мире конфликты, герои произведения, разрозненные в начале повествования, приходят к взаимопониманию, оказываясь перед лицом истины. Сам же путь преодоления показан с разных точек зрения. Право голоса по-

очередно переходит от Елены к Павлу Алексеевичу, от него – к Илье Гольдбергу, далее к Василисе и другим. Такое «блуждание» нарративной инстанции подчеркивает многоплановость рецепции мира, его релятивность и недостоверность.

У читателя, однако, нет сомнений в том, что за «карнавальной» символикой скрывается перспектива перехода от иллюзии к откровению. Вместе с героями он приходит к пониманию истинной причины конфликтов, как произошедших ранее, так и будущих. Их основание кроется не в различии взглядов, к которым можно отнестись с пониманием, а в непреодоленном экзистенциальном одиночестве, являющемся следствием ограничений, налагаемых субъективностью восприятия мира: «...каждый в своей клетке, непроницаемый, особый, и каждый со своей незамысловатой тайной» (Улицкая, 2006, с. 207). Именно эта проблема, общая для всех персонажей, и будет решена посредством любви и прощения: «...входила она и заполняла полое ядро, неизвестную ему самому сердцевину, которую он неожиданно в себе обнаружил» (Улицкая, 2006, с. 307).

По мере того как меняется нарративная картина мира, трансформируется и модальность повествования. Большая его часть (рассказанная абстрактным автором) ведется в модальности *знания, точности и безусловности*. В тетрадах Елены ярко представлено повествование, окрашенное модальностью понимания и выражения собственного мнения. Героиня стремится разобраться в феномене окружающего ее мира, найти балансное положение в реальности, состоящей из ненадежных дуалистичных оппозиций. *Поиск смысла, прозрение* является ключевой интенцией второй части романа. Наррация здесь организована посредством перманентного диалога точек зрения (не всегда выраженного эксплицитно) и отличается значительной персональной окрашенностью. Встречается в тексте и модальность убеждения, свойственная повествованию Павла Кукоцкого и Ильи Гольдберга. Выступая в роли проводников сквозь инобытие, они выполняют апостольскую, проповедническую функцию поучения, успокоения тех, кто ищет защиты. Таким образом, выбор модальности, креативной функции нарратора, зависит от его интенции, а также от того, что на данный момент является аксиологическим центром его представлений.

Подчеркнем, направленность нарративной стратегии романа определяется не только нарративной картиной мира, модальностью, но и нарративной интригой. В романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» – это «онтологическая интрига» повествования: каждый персонаж оказывается перед необходимостью нахождения действительных оснований собственного бытия и организует свой поиск, опираясь на наиболее понятные ему явления и постулаты.

Так, например, Павел Алексеевич Кукоцкий смотрит на основания человеческого существования через призму биологического учения; Елена Кукоцкая уверена, что «сущность любого слова, явления или предмета можно показать посредством графического изображения в трех позициях: профиль, анфас, вид сверху» (Улицкая, 2006, с. 52); Таня, дочь Елены и Павла Кукоцких, ощущает присутствие свободы и полноты жизни в одной лишь музыке; Василиса –

«слепо» верует в Бога, данного ей в далеком юношестве, во всей абсолютности и неоспоримости. Сюжетные перипетии произведения подчеркивают: человеческое восприятие окружающей среды и наполняющих ее событий не одинаково. Каждая отдельно взятая личность являет собой макрокосмос чувств, размышлений, представлений и переживаний. Именно эта уникальность, невозможность выхода за пределы собственного эго и является глубинным основанием ключевого конфликта романа – обреченности на одиночество.

Повествуя о событиях, произошедших с главными героями, нарратор прибегает к стратегии «обмана читательского ожидания», в основе которого лежит препятствование реализации рецептивной компетенции читателя [Ковтун, Богданова, 2014, с. 14–25]. По мнению В. Тюпы, данному понятию в современной нарратологии придается специальное значение сопряжения событий, связывающего начало истории с ее концом, предполагающего «удовлетворение ожиданий, порождаемых динамизмом произведения» [Тюпа, 2011, с. 10].

Вопреки ожиданиям реципиента, в романе дважды происходит слом горизонта читательских ожиданий. В первой части романа нарратор сосредоточен на том, чтобы явить читателю художественную картину мира, продемонстрировать относительность и неустойчивость бытия, подчеркнуть, что даже крепкие семейные узы не являются априорными. Посвятив читателя в причины и следствия конфликтов, произошедших в семье Кукоцких, нарратор не оставляет надежды на их разрешение. В момент, когда обреченность персонажей, казалось бы, достигает своего пика, нарративная картина мира видоизменяется. Читатель, подобно героям романа, оказывается перед необходимостью отграничения реального от ирреального, откровения от заблуждения и лжи.

Основной проблемой становится не то, что истина до определенного момента никому неизвестна, а то, что каждое понятие предельно субъективизируется. Текст строится парадоксальным образом: то, что представлялось выдумкой, фантазмом, оказывается реальностью, и наоборот. Феномен реальности, содержащий бесконечные смысловые аберрации, воплощается в нарративной структуре произведения и увлекает читателя в своеобразную сюжетную «ловушку»: то, что он определял как абсолютно невозможное, на самом деле не являлось таковым. Композиция повествовательного текста, представляющая собой соположение фрагментов, демонстрирующих завязку конфликта, его кульминацию и разрешение, программирует читателя на ожидание *оптимистичного* финала произведения, но он оказывается иным. Примирение персонажей происходит, однако, на ином, метафизическом уровне бытия. Читатель, равно как и герои, обретает понимание того, что окружающий мир не исчерпывается тем, как его воспринимает отдельная личность. Он неизведан, многогранен, пребывает в непрерывном взаимодействии с каждым индивидом. И те проблемы, которые кажутся трагическими с точки зрения восприятия сознания, получают разрешение в ином измерении. Такая перспективность зрения отчасти продиктована авторским интересом к масонству [Ковтун, Разумовская, Климович, 2018, с. 259–267].

Нарративная стратегия романа задает многократное радикальное изменение точки зрения на событие, создает ощущение зыбкости, призрачности происходящего, подталкивает читателя к самостоятельному поиску истины. Содержание текста не находится в прямой зависимости от хронологии, его части носят инверсивный, сегментарный характер, позволяющий передать более объемную картину художественного пространства и законов его функционирования.

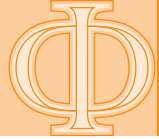
Нарративы, представленные в романе, актуализируют «отнологическую интригу», основанную на воспроизведении индивидуальных мифопоэтических моделей, соположение которых наиболее полно раскрывает сюжет движения к истине [Ковтун, 2013, с. 75–85].

Список источников

1. Улицкая Л.Е. Казус Кукоцкого: роман. М.: Экстмо, 2006. 501 с.

Библиографический список

1. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
3. Бергсон А. Длительность и одновременность. М.: Добросвет, 2006. 160 с.
4. Бремон К. Логика повествовательных возможностей // Семиотика и искусствометрия: сб. ст. М.: Мир, 1972. С. 108–135.
5. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
6. Букал И.С., Гонтарева А.И. Новый сентиментализм: случай Л.Е. Улицкой // Сибирский филологический форум. КГПУ им. В.П. Астафьева. 2019. № 3 (7).
7. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX в. М.: Наука, 1993. 304 с.
8. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
9. Жиличева Г.А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920–1950-х гг.). Новосибирск: НГПУ, 2013. 317 с.
10. Ковалев О.А. Нарративные стратегии в литературе (на материале творчества Ф.М. Достоевского). Барнаул: Изд. Алтайского гос. ун-та, 2009. 198 с.
11. Ковтун Н.В., Богданова О. Коммуникативные стратегии в «миддл-литературе» рубежа XX–XXI вв.: случай Л. Улицкой // Вестник СПбГУ. Сер.: 9. 2014. № 1. С. 14–25.
12. Ковтун Н., Разумовская В., Климович Н. MASONIC DISCOURSE IN THE L. ULITSKAYA'S NOVEL «MEDEA AND HER CHILDREN» // Conference proceedings. Cultural studies, ethnology and folklore literature and poetry, history of arts contemporary arts, performing and visual arts. Vienna, Austria. 2018. 19–21 March.
13. Ковтун Н.В. Мифология поиска истины в раннем творчестве Л. Улицкой // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2013. № 6. С. 75–85.
14. Липовецкий М.Н. Паралогии. Трансформация (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 848 с.
15. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
16. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
17. Событие и событийность: сб. ст. / под. ред. В. Марковича и В. Шмида. М.: Изд-во Кулагиной Intrada, 2010. 296 с.

18. Тюпа В.И. Нарративная стратегия романа // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18). С. 8–25.
19. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
20. Шмид В. Нарративность и событийность // Современные методы анализа художественного произведения: сб. ст. Гродно: ГрГУ, 2003. С. 8–16.
21. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Сведения об авторе

Ирина Сергеевна Букал – магистрант кафедры общего языкознания, Краево-ноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: bukal_is@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-11-3-53>

NARRATIVE STRATEGIES IN L. ULITSKAYA'S NOVEL THE KUKOTSKY ENIGMA

I.S. Bukal (Krasnoyarsk)

Abstract

Problem statement and goal. Lyudmila Ulitskaya is one of the most widely read contemporary Russian authors. L. Ulitskaya's works are popular not only in Russia, but also in other countries. They arouse genuine research interest both among literary critics and linguists. Currently, there are more than two dozen dissertations, many review chapters in monographs, as well as scientific articles devoted to the analysis of such works of the author as novellas *Sonechka*, *The Funeral Party*, *Women's Lies*; collections of short stories *Poor Relatives*, *Girls*, *Gift not made with hands*; novels *Sincerely your Shurik*, *Medea and Her Children*, *Daniel Stein*, *Interpreter*, *The Big Green Tent*. L. Ulitskaya's novel *The Kukotsky Enigma* remains the least studied text of the author. In this article, the content of this novel is analyzed for narratology. The researcher reflects on one of the topical literary problems: the influence of narrative strategies on the reception of the author's text. The research was based on the works by V. Tyupa, Yu. Lotman, N. Leiderman, and M. Lipovetsky.

The research methodology is based on historical-cultural and structural-typological approaches. The subject of the research is the specifics of the implementation of narrative strategies in L. Ulitskaya's novel *The Kukotsky Enigma*.

Research result. Based on the analysis of L. Ulitskaya's novel *The Kukotsky Enigma*, it is shown how the narrative strategy of the work affects its potential reception. Based on the concept by V. Tyupa, who defined the narrative strategy as a set of three equivalent bases (the narrative picture of the world, the narrative modality, and the narrative intrigue), the researcher identifies the changes that the narrative strategy undergoes in the course of the plot development, notes how these changes affect the poetics of the novel and its axiological content.

Conclusion. The narrative strategy by which the narrative of the novel in question is organized can be defined as "the strategy of breaking the horizon of readers' expectations". Multiple changes in the narrative instance fill the work with a variety of points of view, creates a sense of ghostly, ephemeral events, and encourages the reader to independently search for the truth. The content of the novel is not directly dependent on the chronology of events. Fragments of the story are arranged inversely, segmentally, so that their juxtaposition contributes to the fullest understanding of the content. The narratives presented in the novel actualize the "ontological intrigue", based on the representation of individual mythopoetic models and revealing the plot of comprehension of truth and purpose.

Keywords: *L. Ulitskaya, narratology, narrative picture of the world, narrative modality, narrative intrigue.*

Spisok istochnikov

1. Ulitskaya L.E. *Kazus Kukockogo: roman*. M.: Eksmo, 2006.

References

1. Ankersmit F. *Narrativnaya logika. Semanticheskij analiz yazyka istorikov* / per. s angl. O. Gavrishinoj, A. Olejnikova. M.: Ideya-Press, 2003. 360 s. [Ankersmith F. *Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians* / per. from English O. Gavrishina, A. Oleinikova. M.: Idea Press, 2003. 360 p.].

2. Bahtin M.M. Voprosy literatury i estetiki. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1975. 504 s. [Bakhtin M.M. Questions of literature and aesthetics. M.: Fiction, 1975. 504 p.]
3. Bergson A. Dlitel'nost' i odnovremennost'. M.: Dobrosvet, 2006. 160 s. [Bergson A. Duration and simultaneity. M.: Dobrosvet, 2006. 160 p.]
4. Bremon K. Logika povestvovatel'nyh vozmozhnostej // Semiotika i iskusstvometriya: sb. st. M.: Mir, 1972. S. 108–135. [Bremont K. Logic of Narrative Opportunities // Semiotics and artmetry: collection. Art. M.: Mir, 1972. P. 108–135].
5. Brokmejer J., Harre R. Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoj al'ternativnoj paradigmy // Voprosy filosofii. 2000. No. 3. S. 29–42 [Brockmeyer J., Harre R. Narrativ: problems and promises of an alternative paradigm // Problems of Philosophy. 2000. No. 3 P. 29–42].
6. Bukal I.S., Gontareva A.I. Novyj sentimentalizm: sluchaj L.E. Ulickoj // Sibirskij filologicheskij forum. KGPU im. V.P. Astav'eva. 2019. No. 3 (7) [Bukal I.S., Gontareva A.I. New sentimentalism: the case of L.E. Ulitskaya // Siberian Philological Forum. KSPU them. V.P. Astavieva. 2019. No. 3 (7).
7. Gasparov B.M. Literaturnye lejtmotivy. Oчерки russkoj literatury XX v. M.: Nauka, 1993. 304 s. [Gasparov B.M. Literary motifs. Essays on Russian literature of the 20th century. M.: Nauka, 1993. 304 p.]
8. Dejk van T.A. YAзык. Poznanie. Kommunikaciya. M.: Progress, 1989. 312 s. [Dijk van, T.A. Language. Cognition. Communication. M.: Progress, 1989. 312 p.]
9. Zhilicheva G.A. Narrativnye strategii v zhanrovoj strukture romana (na materiale russkoj prozy 1920–1950-h gg.). Novosibirsk: NGPU, 2013. 317 s. [Zhilicheva G.A. Narrative strategies in the genre structure of the novel (based on Russian prose from the 1920s–1950s). Novosibirsk: NGPU, 2013. 317 p.]
10. Kovalev O.A. Narrativnye strategii v literature (na materiale tvorcestva F.M. Dostoevskogo). Barnaul: Izd. Altajskogo gos. un-ta, 2009. 198 s. [Kovalev O.A. Narrative strategies in literature (based on the work of F.M. Dostoevsky). Barnaul: Ed. Altai state. University, 2009. 198 p.]
11. Kovtun N.V., Bogdanova O. Kommunikativnye strategii v „middl-literature” rubezha HKH HKHI vv.: sluchaj L. Ulickoj // Vestnik SPbGU. 2014. Ser.: 9. No. 1. S. 14–25.
12. Kovtun N., Razumovskaya V., Klimovich N. MASONIC DISCOURSE IN THE L. ULITSKAYA'S NOVEL “MEDEA AND HER CHILDREN” // Conference proceedings. Vol. 5. Cultural studies, ethnology and folklore literature and poetry, history of arts contemporary arts, performing and visual arts. 19–21 March, 2018 Vienna, Austria.
13. Kovtun N.V. Mifologiya poiska istiny v rannem tvorcestve L. Ulickoj // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. 2013. № 6. S. 75–85.
14. Lipoveckij M.N. Paralogii. Transformaciya (post)modernistskogo diskursa v russkoj kul'ture 1920–2000-h godov. M.: Novoe lit. obozrenie, 2008. 848 s. [Lipovetsky M.N. Paralogy. Transformation (post) of modernist discourse in Russian culture of the 1920–2000s. M.: New lit. Review, 2008. 848 p.]
15. Lotman U.M. Semiosfera. SPb.: Iskusstvo, 2000. 704 s. [Lotman, Yu. M. Semiosphere. SPb.: Art, 2000. 704 p.]
16. Lotman U.M. Struktura hudozhestvennogo teksta. M.: Iskusstvo, 1970. 384 s. [Lotman Yu.M. Structure of a literary text. M.: Art, 1970. 384 p.]
17. Sobytie i sobytijnost': sb. st. / pod. red. V. Markovicha i V. SHmida. M.: Izd-vo Kulaginoj Intrada, 2010. 296 s. [Event and event: Sat. Art. / under. ed. V. Markovich and V. Schmid. M.: Publishing house Kulagina Intrada, 2010. 296 p.]
18. Tyupa V.I. Narrativnaya strategiya romana // Novyj filologicheskij vestnik. 2011. No. 3 (18). S. 8–25 [Tyupa V. I. Narrative strategy of the novel // New Philological Bulletin. 2011. No. 3 (18). P. 8–25].
19. Frejdenberg O.M. Poetika syuzheta i zhanra. M.: Labirint, 1997. 448 s. [Freudenberg O.M. Poetics of the plot and genre. M.: Labyrinth, 1997. 448 p.]

20. Schmid V. Narrativnost' i sobytijnost' // Sovremennye metody analiza hudozhestvennogo proizvedeniya: sbornik statej. Grodno: GrGu, 2003. S. 8–16 [Schmid V. Narrativeness and eventuality // Modern methods of analysis of a work of art: collection of articles. Grodno: GGU, 2003. P. 8–16].
21. Schmid V. Narratologiya. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. 312 s. [Schmid V. Narratology. M.: Languages of Slavic culture, 2003. 312 p.].

About the author

Irina Sergeevna Bukal – graduate student of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva; e-mail: bukal_is@mail.ru